

Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего*

История и современность

Андрей Фурсов

Смуты и революции – рычаги, пружины и блоки

Участники дискуссии называют различные факторы, блокирующие или, напротив, ускоряющие смуту.

Так, В.Д.Соловей согласен с мыслью Дж.Голдстоуна о том, что «государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революции снизу»¹.

Н.В.Асонов, напротив, подчеркивает значение поддержки власти со стороны народа как фактор, позволяющий не до-

пустить смуту. Историк фиксирует, что благодаря опричнине Ивану Грозному удалось:

– подавить деструктивную оппозицию в лице «полужидовствующих», политическая идеология которых ставила целью разрушение православной государственности в России;

– «нестяжателей», вставших на позиции «терпения» и «кротости» в отношении «развратников веры Христовой»;

ФУРСОВ Андрей Ильич – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). E-mail: rusint@bk.ru

Ключевые слова: смута, революция, русская история, внутренние и внешние факторы, современная Россия.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2012. № 3.

– сторонников удельно-княжеской управленческой модели, мечтающих вернуть власть великим родам, а также приверженцев республиканско-вечевых традиций.

Московское государство не только избежало раскола и более кровавых религиозных войн, поразивших западно-европейский мир, но и сохранило себя в качестве оплота славяно-православной цивилизации, обеспечив ее последующее выживание¹. Решающую роль в этой блокировке смуты Асонов отводит не царю, а народу, который принял курс самодержавной соборности и понял значение опричнины как вынужденной временной меры.

Думаю, сегодня трудно сказать, понял ли народ опричнину как чрезвычайную и размышлял ли он в таких категориях. Скорее всего, нет. Но то, что народ действительно воспринимал курс Грозного как соборный и поддерживал царя против «утеснителей-бояр», сомнения не вызывает, иначе страна взорвалась бы не в 1600-е, а в 1570-е годы. Более того, именно опричина заложила фундамент тех институтов, которые так и не удалось разрушить в смуту предателям-боярам, возводившим на престол Владислава и мастырившим свой княжеско-олигархический строй, и которые полностью восстановились к середине XVII в.

На прочность государственных институтов, созданных в XVI в., указывает и Д.В.Лисейцев, подчеркивая, что российская государственность не только не была разрушена смутой, но именно эта прочность способствовала преодолению смутного времени².

И главное – опричина не вызвала системного кризиса и не довела противостояние власти и народа до крайней точки справедливо отмечает В.П.Булдаков, смута/революция не состоится, пока системный кризис не достигнет

своего апогея, приняв форму открытого противостояния народа и власти¹.

Впрочем, некоторым участникам дискуссии вопрос о народе как субъекте смуты/революции представляется не таким простым, как кажется на первый взгляд.

Например, А.В.Чертищев отмечает, что в 1917 г. действовали не классы, а массы³, причем люмпенизированные, маргинализованные¹, короче – толпообразные.

Это, кстати, перекликается с мыслью В.П.Булдакова о том, что, поскольку российская история не создала устоявшихся структур и этнических общностей, смута непременно примет охлократический характер¹. Правда, здесь возникает вопрос к Булдакову: китайская и французская истории создали устоявшиеся структуры и этнические общности, но рискнет ли кто-либо утверждать, что в революциях в этих странах не было охлократии?

И вопрос к Чертищеву, который считает низкий культурно-образовательный уровень фактором, способствующим превращению масс в объект манипуляции.

А разве события перестройки и послеперестроечное десятилетие не продемонстрировали, что и население с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем легко превратить в манипулируемое стадо? Думаю, все мы помним это время и поведение многих наших коллег из «ученого цеха».

Рассуждая о механизме возникновения предпосылок революций, нельзя не согласиться с В.П.Булдаковым, А.Ильюховым, А.И.Колгановым в том, что эти предпосылки создаются прежде всего господствующим слоем.

«Несомненно, что смуты провоцируются верхами, не умеющими адекватно реагировать на внешние вызовы», – пишет Булдаков¹ (я бы добавил: и внутренне).

По мнению Ильюхова, революцию провоцировала косная правящая элита¹. И далее: «...революцию готовят и делают не революционеры, а «олигархи» разной социальной принадлежности»*.

Ильюхов приводит весьма интересную и точную, на мой взгляд, характеристику одним немецким публицистом деятельности П.А.Столыпина: «Столыпин сделал все для подавления революции прошлой, но очень мало для предотвращения революции будущей». Я бы сказал точнее: Столыпин своей реформой сделал немало для приближения будущей революции.

Впрочем, вряд ли можно предьявлять исторический счет одному Столыпину. Он был выдающимся представителем определенной властно-классовой системы, которая на рубеже XIX–XX вв. загнала себя в цугцванг. У этого цугцванга было два аспекта.

Важную черту первого отметила Ю.А.Жердева, зафиксировавшая коллапс крестьянского патернализма имперской системы: «неразрешимое «мирным» путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект** патерналистской опеки государства... и непреодолимыми требованиями индустриально-городской культуры, требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании»¹. Не будучи способной решить вопрос в интересах крестьянства и в то же время ликвидировать этот слой, императорская власть тормозила его решение, откладывая – и дооткладываясь, получив крестьянские вилы в бок.

Иными словами, речь идет о том, что логика развития промышленно-городского общества, капитализма требовала

ликвидации крестьянства как слоя. Позднее самодержавие, хотя противоречия между ним и крестьянством нарастали, сделать этого не могло в силу своей классовой и властной природы. А вот советский режим в 1929–1933 гг. сделал.

Как тут не вспомнить А.А.Зиновьева, заметившего как-то, что самое страшное – это власть народа над самим собой, ничем не опосредованная, прямая. Т.е. барин мужика может пожалеть, а мужик мужика вряд ли; с такой мыслью вполне мог согласиться Н.С.Лесков, она проходит красной нитью сквозь его произведения, достаточно вспомнить «Тупейного художника».

Второй аспект заключается в том, что самодержавие не могло разрешить проблему не только «треугольника» «самодержавие – крестьянство – капитализм», но и треугольника «самодержавие – дворянство – буржуазия», будучи не в силах разорвать ни с дворянством ради буржуазии, ни с буржуазией ради дворянства.

Эту проблему решили большевики, взорвав систему позднесамодержавного Тянитолкая.

Ситуация, технологически весьма похожая на положение в России начала XX в., складывается сегодня, сто лет спустя. Власть, с одной стороны, не может отделить себя мирным путем от «олигархов» (из этой же «оперы» решение проблемы коррупции как системообразующего фактора, по признанию самой власти), с которыми образует корпорацию-государство. Подобного рода отделение возможно лишь как результат введения чего-то, похожего на неоопричнину. С другой стороны, власть не может отказаться от сохранения населения в качестве объекта квазипатернализма.

* Как тут не вспомнить Л.Д.Троцкого с его фразой о том, что настоящие революционеры современного мира сидят на Уолл-стрит. Троцкий имел в виду Фининтерн.

** Думаю, в тексте опечатка, – по логике речь должна идти об объекте.

Во-первых, поскольку это население своей хозяйственной и социальной деятельностью удерживает экономику от серии техногенных катастроф, а социум – от хаоса. Это одна из его главных, хотя и не прокламируемых функций системы, так как техногенные катастрофы и хаос автоматически ломают систему извлечения прибыли и властвования.

Аналогичным образом коллективы институтов в системе РАН сохраняются отчасти для физического наполнения и поддержания функционирования материальных объектов собственности как важнейших активов для реализации групповых, и опять же отчасти государственных, интересов – например, в качестве госгарантий при получении международных займов.

Во-вторых, население – какой-никакой электорат, и хотя опора власти – не все население, а население определенных регионов страны, определенная численность для содержания «зоны охоты» (М.Б.Ходорковский), явки на выборы, а в случае необходимости – демонстрации Западу некой массы со своими интересами, необходима.

Возникает треугольник «власть – олигархи – население», проблемы которого мирным, эволюционным путем неразрешимы, при том что развитие ситуации в стране и мире требует скорейшего решения, которое власть тормозит, оттягивает. Результат, похоже, может быть таким же, как в 1917 г.

К факторам, работающим на революцию, следует добавить разложение системы управления, тесно связанные с этим коррупцию и непрофессионализм управленцев.

Об этом состоянии Российской империи на рубеже XIX–XX вв. писали многие, в том числе весьма ярко и красноречиво Н.Е.Врангель в своих воспоминаниях. Эти черты и особенности поздней имперской России полностью, причем в гротесково-фарсовом виде,

воспроизвелись Белым движением в зоне его контроля.

«Все характерные черты «второй русской смуты», – пишет С.В.Карпенко, – проявились в истории Белого движения. Среди них – управленческая анемия «верхушки» Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии и т. д.»⁴. То есть перед нами недееспособность власти и части общества (верхов), их неадекватность в реагировании на эти факторы как причины обеих смут – начала XVII в. и начала XX в., – указывает В.В.Шелухаев⁵.

Частный и корпоративный эгоизм, деморализация бюрократии и буржуазии, коррумпированность верхов – все эти характеристики поздней имперской и Белой России вполне применимы к России сегодняшней, словно списаны с ее реалий. И неслучайно ряд участников дискуссии, размышляя о смутах и революциях, затронули наши дни.

Так, А.И.Селиванов подчеркнул, что смутные времена продолжаются и в наши дни, образ благоденствия в России всего лишь симулякр реальности, сформированный политиками и СМИ. В то же время, предупреждает участник дискуссии, не надо скатываться в деконструктивность эмоционально-панических настроений¹.

Причину нынешних смутных времен Селиванов видит в разладе народа и власти, в расхождении интересов народа (страны, цивилизации) с интересами власти, элит и других групп, влияющих на принятие государственных управленческих решений.

С одной стороны, угроза российской государственности, отмечает Селиванов, исходит от многих представителей власти в стране. Это:

- коррумпированные чиновники;
- представители крупного отечественного капитала, ставшего внациональным;

- криминальные структуры;
- различные этнические и общественные группы и слои, не несущие в себе российских ценностей;
- большинство СМИ¹.

С другой – силы и субъекты, находящиеся за рубежом: зарубежные политические и финансовые центры, ТНК и МНК, чьи интересы по отношению к России в целом совпадают с интересами российских коррупционеров и компрадорских и обслуживающих их представителей медийных и научных структур.

Селиванов верно указывает на классовый и антицивилизационный по отношению к российской цивилизации блок внешних и внутренних сил, который можно назвать «либерально-интернациональным». Этот термин не мое изобретение, им активно пользуется «тихая американка» британского происхождения Фиона Хилл*.

Как отмечает А. Левченко, в свое время Хилл курировала подготовку двух аналитических докладов – «Альтернативные сценарии развития России до 2017 года» и «Стратегия США на Кавказе и в Черноморско-Каспийском регио-

не». Наиболее желательным для США сценарием Хилл считала приход к власти в России «либеральных интернационалистов» во главе с Немцовым, Явлинским, Каспаровым и Ходорковским. В докладе констатировалось, что у либерал-интернационалистов практически нет шансов победить в России конституционным путем. «В связи с этим не исключался их приход к власти с помощью цветной революции».

За исключением Ходорковского, все остальные либерал-интернационалисты – фасад либерального клана «старосемейных» (засветились на Болотной и на Сахарова). Кстати, сегодня правые глобалисты (они же: либерал-интернационалисты) в блоке с западным финансовым капиталом пытаются сделать с Россией то, к чему в 20-е – 30-е годы в союзе с Фининтерном стремились левые глобалисты и что им не позволил красный император Сталин.

Сейчас вопрос стоит аналогичным образом: Россия – либо сырьевой элемент глобальной системы, либо импероподобное образование, противостоящее этой системе в союзе с другими импероподобными образованиями.

Забывтый внешний фактор

Тема внешнего фактора в русских смутах практически не получила звучания в дискуссии. Ее вскользь и не самым удачным образом коснулся только один из участников дискуссии – А.А.Ильюхов. Он заметил, что тезис об английском следе в февральско-мартовских событиях ошибочен, поскольку англичанам как союзникам в войне не надо было дестабилизировать Россию¹.

Трудно сказать, чего здесь больше – наивности, незнания реальных фактов

или недостаточного их осмысления. Тезис о том, что поскольку Россия – союзник британцев, то они не заинтересованы в ее дестабилизации, типологически напоминает мне рассуждения, услышанные мною от одного деревенского дедка.

Говорил он (это был 1981 г.) следующее: «Рейган – артист, поэтому он с нами (СССР) ссориться не будет, артисты – мирные люди».

Ну а если серьезно, то посмотрим на военную ситуацию в декабре 1916 – январе 1917 г.

* В настоящее время – директор Центра США и Европы Института Брукингса, до этого – руководитель секции по России и Евразии в Национальном Совете по разведке США.

Союзникам было ясно: Германия истощена, война выиграна, даже если она продлится еще год, Германия перешла к стратегической обороне, русские планируют Босфорскую операцию на март-апрель 1917 г., и тогда взятие ими Константинополя, контроль над проливами и свободный выход в Средиземное море станет *fait accompli*, т.е. Россия силой подкрепит и так обещанное союзниками, прежде всего британцами, и этого уже не отыграть. Но – не отыграть, если Россия останется среди победителей, если не ослабнет резко или вообще не развалится, перестав быть организованной геополитической целостностью.

В 1934 г. канцлер Венгрии граф Иштван Бетлеи заявил: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги».

Возможно, дунайские страны и не стали бы областями России, а лишь превратились бы в зону ее влияния, как это произошло после в результате Второй мировой войны, – и этого вполне достаточно. Главное в другом – в выходе России в Средиземноморье и Центрально-Восточную Европу. Напомню, что именно ради недопущения этого британцы затеяли Крымскую войну, а для того чтобы не было русского щита на вратах Царьграда впопыхах организовали в апреле 1915 г. и Галлиполийскую операцию по захвату Дарданелл и Стамбула – лишь бы не пустить туда русских. Сорвалось, – операция, организованная Черчиллем, провалилась.

В 1917 г. возникла реальная угроза не только восстановления геополитических позиций России в духе времен Ни-

колая I, но и существенного усиления их. Ясно, что допустить этого британцы не могли. Ну а в условиях грядущей победы и возможного вступления в войну США (и в любом случае при наличии помощи с их стороны) такой потребности в России, как в 1914–1915 гг., уже не было.

Отсюда задача: вычеркнуть Россию из числа победителей. Сделать это можно было единственным способом – резким ослаблением или даже разрушением России, что существенно ослабляло позицию России по отношению к союзникам. Ну а если к власти в России некие силы приходили при помощи союзников, прежде всего британцев, то поддержки этого прихода было достаточно в качестве платы за участие России в войне, в качестве средства геополитического размена уже без всяких территориальных призов – *tout simplement*. Ну а дальше возможны манипуляции новичками от власти. Так оно и вышло.

Разумеется, без наличия внутренних сил, готовых к дворцовому перевороту (который и открыл «кладезь бездны») – высшего генералитета, руководства кадетов и октябристов, части буржуазии и даже части царской семьи, – все это было бы невозможно. Но мы в данном случае говорим о наличии британского интереса в дестабилизации России; он не только мог, но должен был быть – и был.

Союзники поощряли заговорщиков – об этом немало свидетельств.

И В.И. Ленин был абсолютно прав, написав: «Весь ход февральско-мартовской революции показывает, что английское и французское посольства с их агентами и «связями»... непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова».

Не нравится Ленин? Не верите ему? Ну что же, послушаем генерала Жане-

на – главу французской военной миссии в Петрограде.

Генерал рассказывал, как ему докладывали о том, что британские агенты платили солдатам запасного Павловского полка (Павловский полк, конечно, не Волынский, где служил фельдфебель Кирпичников, но свою роль в событиях он сыграл, и весьма немалую) по 25 руб. только за то, чтобы они не покидали казарм и отказывались подчиняться офицерам.

Это столько, сколько в конце XIX в. в Петербурге брали за ночь высококлассные шлюхи; разумеется, к 1917 г. рубль просел, но 25 руб. все равно оставались деньгами.

Наконец, последнее по счету, но далеко не последнее по значению соображение – очень простое. Неужели можно помыслить, что серьезный, хорошо продуманный и осуществленный в несколько этапов в течение 10 дней (23 февраля – 4 марта) во время войны заговор был возможен без одобрения и поддержки союзников, прежде всего британцев?! Это просто невозможно.

Показательно, что человек, сыгравший решающую роль в заговоре и дальнейшей дестабилизации России – А.Ф. Керенский – в октябре 1917 г. будет вывезен именно на специально присланном крейсере «Генерал Об» британцами и именно в Лондоне окончит свои дни, чуть-чуть не дотянув до 90-летия. Ему повезет меньше, чем другому разрушителю России/СССР Горбачеву; этому плохищу буржуины отметят 80-летие, причем тоже в Лондоне – в городе, куда он ездил на смотрины западной верхушки перед тем, как занять кресло генсека (ведь сказала впоследствии М.Тэтчер: «Это мы сделали Горбачева генсеком»).

Во время кризисов (смут, революций), т.е. во время разбалансировки, система приобретает характер открытый или как минимум полуоткрытый (впрочем, и этого достаточно, поскольку в

кризисных ситуациях первой рушится подсистема защиты – безопасность, ведь именно в ней сконцентрированы все слабости и пороки системы, а следовательно, и их персонификаторы). В системе, открытой иным, в том числе и более крупным, системам, в условиях кризиса возникают хаотические колебательные процессы, которые невозможно объяснить только внутренними регулярностями: резко увеличивается мощь внешних воздействий, которые, если речь идет о кризисе социальных систем, могут быть результатом целенаправленной деятельности внешних сил.

Строго говоря, в открытой слабобалансированной системе различие факторов внутренних и внешних (равно как каузальности – случайной и необходимой) стирается или становится всего лишь пунктирным. В таких ситуациях субъектный фактор может доминировать над системными (не путать с субъективными и объективными факторами: субъектный и системный факторы в равной степени объективны), а наилучшие шансы в борьбе, как правило, имеют «внутренние» Властелины Хаоса с хорошей «внешней» подпиткой, если не поддержкой.

Повторю, жаль, что в дискуссиях о смуте и революции в России не был масштабно затронут вопрос о роли внешнего фактора, как в сфере тайной политики, т.е. формирования тайных союзов бояр/чиновников/номенклатуры с западными государствами, наднациональными структурами и капиталом, прежде всего финансовым, так и прямой интервенции.

Все русские смуты включали интервенцию: первая и вторая – военную, последняя – финансово-информационную, с помощью которой советский сегмент глобальной корпоратократии и разрушил СССР. Но это была интервенция в новой форме, поскольку решающие способы разрушения социальных систем и

государств в конце XX в. приобрели финансово-экономический и информационно-психологический характер.

Действие этих сил и факторов продолжается до сих пор, то затихая, то уси-

ливаясь и таким образом работая на продолжение смуты, на перевод ее в русло развала теперь уже Российской Федерации. Собственно, А.И.Селиванов называл эти силы.

Интервенция 90-х годов: правовая, партийно-политическая, идеологическая

Интервенция может быть не только военной или финансово-информационной, но и правовой, причем с весьма тяжелыми последствиями. Этот вопрос затрагивает С.В.Ткаченко, демонстрируя, сколь разрушительным для государственно-правовой системы страны, а следовательно, дестабилизирующим власть, может быть внедрение чуждой правовой системы.

Он отмечает, что в 90-е годы у нас объем заимствований из западного права приобрел такие масштабы, которых еще никогда до этого не было, и это привело к столь разрушительному характеру для российского правосознания. Перенос западного права Ткаченко называет самой настоящей юридической эпидемией.

Нынешняя правовая система, пишет он, «в принципе не отвечает интересам большинства российского населения, отлучив его от реального участия в политической и экономической жизни страны»¹.

Так для того и переносилось западное право, добавлю я, чтобы отсечь бульшую часть населения от «общественного пирога», – и отсекли, причем во всем бывшем европейском социалгере.

Если в 1989 г. в Восточной Европе, включая Европейскую часть СССР, за чертой бедности жили всего 14 млн чел., то в 1996 г., всего за одну пятилетку ельцинщины, эта цифра выросла до 168 млн!

Результатом переноса западного права стало, считает Ткаченко, закрепление Конституцией РФ создания своеобраз-

ных политико-правовых уродцев, состоящих из разноплановых по своему характеру «иностраных правовых институтов, плохо подогнанных друг к другу, не приспособленных к российским условиям и способных отрицательно влиять на возможный процесс модернизации государства и общества в целом.

Так, при построении «правового государства» государственной властью создан западно-русский правовой гибрид «президентская монархия», который характеризуется феноменом «передачи власти». К настоящему времени стало очевидно, что институт не дал положительных результатов для укрепления государственности. Конечно, он вполне справился и продолжает справляться со своей основной задачей – окончательное закрепление власти за определенной политической силой, что, в принципе, и являлось основной задачей правовых реформ 90-х годов»¹.

Современная государственно-правовая система, заключает Ткаченко, работает только в пользу правящей элиты, но не в пользу российского общества в целом, т.е. противоречит национальным интересам России.

Если С.В.Ткаченко считает чуждыми русской реальности и вредными для нее заимствованные с Запада правовые нормы, то С.Ю.Разин аналогичным образом оценивает партии, формально скроенные по западному образцу, и сам феномен многопартийности⁶.

Многопартийность и партогенез в истории России Разин прочно увязывает с ее кризисным ритмом: «Российскую многопартийность следу-

ет рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее (многопартийности. – Авт.) существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX в. она сыграла разрушительную роль политической и идеологической антисистемы, которая отнюдь не являлась олицетворением так называемых альтернатив развития социума, а воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век исторической формы российского имперства»¹.

Разин цитирует мысль Булдакова о том, что российская многопартийность – воплощение доктринальной шизофрении интеллигенции, а не национального целого; но это воплощение способно провоцировать смуту.

И вывод Разина, с которым не могу не согласиться: «Возрождение Империи в ее новой форме... неминуемо приведет к ликвидации аморфной отечественной многопартийности»¹.

Иными словами, многопартийность в российском социуме есть мера его кризиса, «смутности» и властного регресса. Это – внешний и чуждый по отношению к культурно-исторической сути России феномен, а точнее – эпифеномен.

По справедливому мнению П.П.Марчени, аналогичными качествами внешности и чуждости характеризуются вестернизированные либерально-демократические идеологемы: они являются внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания населения России¹, и оно отвергает их как чуждые. Главный урок смут Марченя видит в том, что они ясно показывают, какой **не** должна быть власть, демонстрируют народный негативизм по отношению к чужой и чуждой власти¹.

Воспоминания о будущем, или Что день грядущий готовит строю «наемных менеджеров»?

Возникает вопрос о будущем режима «западных прагматичных менеджеров», или менеджеров, как говорят у нас.

Во время первой смуты русские отвергли антидержавные прозападные действия элит, а во второй снесли романовскую империю, а затем либерально-демократические декорации и их персонафикатора – Временное правительство, этого «самозванца, коллективного Лжедмитрия», а большевики лишь инструментализировали стихию масс¹.

Исходя из такого подхода, Марченя убедительно аргументирует тезис о том, что русский бунт – беспощадный, но вовсе не бессмысленный, а смута – это не inferнальная чередка, которую иные стараются объяснить эпилептоидностью и психопатологичностью *Homo rossicus'a*. Все это вполне рационально и функционально вписывается в имперский контекст.

Смуты в интерпретации Марчени суть периоды своеобразной «переоценки ценностей» в имперской истории; эта переоценка связана с обновлением комплекса идеологем,¹ сначала разрывом, а затем восстановлением единства между Народом и Властью. Разумеется, если эта Власть и ее идеологемы не чужды и не враждебны народу, а воспринимаются им как свои, в данном случае – имперские.

Марченя считает несчастливым воспроизводство в 30-е годы XX в. имперской по сути модели единения власти и народа, поскольку эта модель соответствует национальным и цивилизационным кодам. А вот западные прагматичные менеджеры, пишет он, это не стиль исторической русской власти, и они никогда не будут привлекательны для народа, чающего Воли и Идеи.

Этим вопросом задается В.Д.Соловей в выступлении на круглом столе⁷ и в обобщающей статье «Есть ли будущее у русской революции», которая идет сле-

дом за статьей Б. Ф. Славина «Революция не завершилась».

– Он выделяет пять условий революции:

- финансовый кризис;
- делегитимацию государства;
- раскол в элите;
- массовую мобилизацию;
- связь революционной мобилизации общества с элитой, т.е. с выступлениями элиты против режима.

Этих условий в реальности, какой она была в России в 2009 г., Соловей не находит и заключает: фундаментальные структурные факторы революции отсутствуют, что не отменяет возможности масштабного государственного кризиса¹, вероятность которого повышается в случае экономического кризиса.

Кризисные явления в экономике, считает В. Д. Соловей, и так поставили под сомнения обе стороны дуалистического режима В. В. Путина, который к обездоленным обращен патерналистской риторикой, а глазам преуспевающих предстает как менеджер миллионеров¹.

Однако и это, по мнению Соловья, не подталкивает Россию к революции, поскольку общество в витальном плане слабее элиты: если царская и позднесоветская элиты были слишком старомодны и размягчены по сравнению с обществом, то постсоветская элита является более современной, более динамичной и жесткой, чем общество.

Внешне точка зрения В. Д. Соловья кажется верной. Однако есть нюансы и детали.

Во-первых, его оценка носит импрессионистский характер – никто еще не изобрел измеритель витальности; к тому же витальность – штука непостоянная: сегодня она больше, завтра меньше.

Казавшееся спокойным в середине 80-х годов XVIII в. французское общество в 1789 г. вспыхнуло так, что мало не показалось. Кроме того, для революции

вовсе не надо, чтобы все общество было витальным, достаточно ударных социальных групп, которые, кстати, в условиях кризиса могут возникать стремительно.

Весной 1917 г. над ленинским «есть такая партия» смеялись, а осенью уже было не до смеха.

Я уже не говорю о том, что кабинетно-интеллигентские представления о состоянии общества, особенно по части его витальности, весьма нередко ошибочны, поскольку абсолютизируют состояние определенного социального слоя и переносят его на группы с иной социальной (и даже биосоциальной) природой.

Во-вторых, конкретные исследования не подтверждают тезис Соловья.

Как показало исследование UBS AG (крупный международный швейцарский банк) и Campden Media, 90% предпринимателей России, оборот компаний которых составляет более 100 млн долл., не планируют передачу своего бизнеса своим детям.

В 2009 г. 84% респондентов видели перспективы развития бизнеса, в 2011 г. – только 40%.

Я согласен с теми аналитиками, которые видят в этом разрушение механизмов наследия материальных благ и статуса в крупном российском бизнесе и утрату более чем половиной его представителей перспектив развития. Это – со стороны элиты.

А теперь со стороны населения. Согласно докладу «20 лет реформ глазами россиян» (Институт социологии РАН), 34% жителей России (и 60% жителей Москвы) **постоянно** испытывают желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, а еще 38% жителей РФ **иногда** имеют желание перестрелять указанных гадов.

70% русских и 60% нерусских испытывают неприязнь к людям других национальностей, а 40% одобрили бы насильственное выселение представителей других национальностей.

Разумеется, намерение еще не означает дело, но история, особенно русская,

показывает, что подобные намерения в определенной ситуации быстро и легко превращаются в конкретные действия, и весьма витальные.

Наконец последнее.

Витальность первого поколения элиты России не означает автоматически витальности второго. К тому же здесь мы видим немало признаков вырождения – психопатологии, ацефалии и дегенеративизма. А с другой стороны, есть такая неэлитарная витальная часть населения, как криминалитет. Я согласен с точкой зрения тех аналитиков, которые считают, что в стране бизнес-верхушка обладает слабой волей к сопротивлению и имеет плохие перспективы социального воспроизводства перед лицом значительной части населения, готовой к насилию над ней, к экспроприации. Кстати, такой вариант совпадает с одним из мировых трендов – конфискацией «молодых» денег. Так что с витальностью элиты и невитальным населением вопрос очень и очень спорный.

В-третьих, как показывает реальность, острая социальная борьба низов и верхов может развиваться в иных формах, чем революции, и в иных сферах.

В качестве иллюстрации могу привести фильмы «Бригада» и «Елена». Разумеется, те формы социального конфликта, которые мы в них увидели, далеки от революционности, а вот те формы субъектности, которые показаны там, при определенных обстоятельствах, элементарно оборачиваются витальностью (см. «Дубровского» Пушкина).

Витальная слабость общества, считает Соловей, есть отражение состояния демографического упадка русского этноса¹, сегодня у него нет той социобиологической основы, которую имела революция, большевистская модернизация и которая была ключевым ресурсом Великой Отечественной войны, а именно огромная масса людей в возрасте до 20 лет¹.

Такой подход вполне логично объясняет значительный процент в постсоветских верхах нерусских: евреев, выходцев с Кавказа и из Средней Азии. В любом случае перечисляемые Соловьев факторы – низкий энергетический уровень постсоветского общества, его плохая психическая форма, социальные патологии¹ – делают, по его мнению, революцию маловероятной.

Аналогичный прогноз дает А.И. Колганов: российское общество в его нынешнем состоянии может существовать еще 15–20–25 лет, и только приход нового поколения обострит конфликт⁸.

Думаю, Колганов – большой оптимист.

10 лет для нынешней России – это более чем оптимистичный прогноз, да и для мира в целом в его нынешнем состоянии; «кто не слеп, тот видит», как говаривал один крупный деятель нашей истории.

Кто не слеп, не может не видеть, что, по сути, уже проедено материальное наследие советской эпохи; кстати, все серьезные изменения происходили в русской истории тогда, когда проедалось наследие предыдущей эпохи – удельно-ордынской к 1565 г. (введение опричнины Ивана Грозного) и российско-имперской – к 1929 г. (начало сталинского «великого перелома»).

На сегодня исчерпана та экономическая модель, в рамках которой Россия существовала последнее десятилетие: цены на нефть растут, а доходы населения нет – социальные и коррупционные издержки налицо.

Куда ж нам плыть? Не ясно.

Но что плыть в прежнем режиме недолго, со всей ясностью продемонстрировали события декабря 2011 – февраля 2012 гг., как бы к ним ни относиться. Что же касается нового поколения, то оно уже пришло, будем надеяться, не как нечто неприличное из анекдота, заявив-

шее о себе скромно: не толстый, а полный – вот и пришел. Впрочем, эти темы выходят за рамки данной дискуссии.

Завершая, отмечу, что дискуссия была весьма интересной и умной, ее организаторов надо поблагодарить и поздравить, хотя не обошлось и без ложки дегтя. Ю.М.Антонян исполнил «песню русофобского гостя» в духе ненавистников России *a la* Бжезинский, политический спекулянт на исторические темы Янов и Новодворская в одном флаконе.

Антонян утверждает, что власть в России в 1917 г. «захватила орда варваров и преступников», «безграмотная клика», а «революция развязала силы зла». Ну а дальше хоть стой, хоть падай: «на долгие годы было остановлено экономическое развитие общества», «без интеллигенции страна скатилась в каменный век». «Каменный век» – это, по-видимому, об успехах СССР в 30-е годы и позднее.

Затем следует обвинение коммунистического режима, который, сотрудничая (*sic!*) с гитлеровским нацизмом, вверг страну в войну, к коей СССР не был готов. Этот пассаж порадует многих ненавистников России, которые стремятся возложить равную вину за развязывание Второй мировой войны на Третий рейх и СССР и приравнять фашизм к коммунизму; кстати, Антонян прямо говорит: коммунизм и фашизм – одно и то же¹.

По вопросу о неготовности СССР к войне можно рекомендовать Ю.М.Антоняну работы последнего десятилетия, в частности, «200 мифов о Великой Оте-

чественной войне» А.Б.Мартиросяна и целый ряд других работ последних лет. Поражения летних месяцев были связаны не с неготовностью, а совсем с другим. И еще вопрос: какая из европейских стран была готова к нападению Гитлера?

Большевизм, который Антонян ненавидит (обычно такой ненавистью пыщут либо бывшие члены КПСС, либо бывшие сексоты КГБ, но я, разумеется, ничего не утверждаю), объясняется им с точки зрения психоанализа и аналитической психологии – как прорыв инфантильного бессознательного, именуемого Тенью (почему не Гаррипоттеровским Волдемортом или Завесой Мрака из толкиновского «Властелина колец»? Было бы круто).

Кроме большевизма виноваты у Антоняна народ и православие («идеология большевизма как нельзя более полно совпала с идеологией русского православия»¹). Народ – что оказался не готов к свободе¹, а православие – своим сходством с большевизмом, а также тем, что в отличие от протестантизма, который, по-видимому, нравится Антоняну, не стимулирует частную инициативу, т.е. не ведет к капитализму.

Вот ведь православно-русское дурачье, не ведает о капиталистическом счастье, – жаль, не случился вовремя «мудрый» Антонян, не указал дорогу, не переформатировал русское сознание. Ничего не поделаешь. А вот организаторы конференции поделаться могут: приглашать выступать только адекватных людей, способных аргументировать свою позицию и, самое главное, без теней в голове и без склонности к кликушеству.

В целом, повторю, дискуссия прошла на высоком научном уровне и представляется мне событием не только в научной, но и в общественной жизни. В ней четко зафиксирована гражданская, государственно-патриотическая позиция подавляющего большинства участников дискуссии, пытающихся дать ответы на главные вопросы русской истории. Хочу надеяться, что дискуссия, вызвавшая изложенные выше размышления – лишь начало большого разговора о русской истории и ее переломах. Это своевременный разговор, ведь «век вывихнут», и чтобы понять, как его

вправлять, надо осознать, почему и как он был вывихнут и что (или кого) для этого нужно вывихнуть.

Важно, чтобы мы сами дали ответ на важнейшие вопросы нашей истории, поскольку в последние два – два с половиной десятилетия различные доброхоты извне и их шестерки у нас пытаются, превратив нас в цивилизацию-мишень, навязать нам такие ответы, из которых следует, что вся наша история – неправильная и все, что нам остается делать – это каяться, а покаявшись за то, что мы есть, бежать, задрать штаны, за Западом, который сам летит в пропасть.

Упаси Бог от билета на западный «Титаник», укрепи в самостоянии мысли и ясности видения.

В науке это достигается только с помощью правильной теории, помноженной на гражданско-патриотическую позицию и национальную гордость.

Иных вариантов нет.

Примечания

- ¹ Народ и власть в российской смуте: Сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола / под ред. П.П.Марченя и С.Ю.Разина. М.: ВВА им. Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина, 2010. Вып. 1 // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930>. С. 267, 48, 86, 289, 87, 144, 112, 253, 255, 138, 274, 279, 236, 237, 202, 197–198, 201–202, 200, 272, 267, 271, 268, 33, 38, 30.
- ² Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 2 // Власть. 2010. № 5. С. 13.
- ³ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 6 // Власть. 2010. № 9. С. 18.
- ⁴ Цит. по: Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 5 // Власть. 2010. № 8. С. 10.
- ⁵ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 292.
- ⁶ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 4 // Власть. 2010. № 7. С. 12.
- ⁷ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 1 // Власть. 2010. № 4. С. 16–17.
- ⁸ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 3 // Власть. 2010. № 6. С. 14.